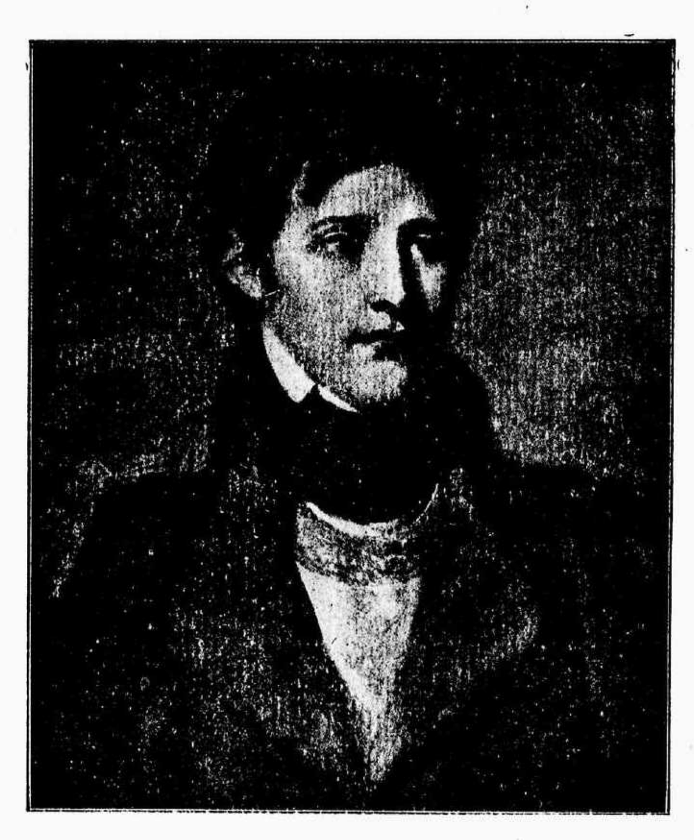
Е. ГЕРЦОГЪ.

КАРЬЕРА БОНАПАРТА.

Извлеченіе изъ французскаго сочиненія

А. ЛЕВИ.

(Napoléon intime).

Цѣна 25 к.

Военное Книгоиздательство „ОФИЦЕРСКАЯ ЖИЗНЬ“

1912.

Е. ГЕРЦОГЪ.

КАРЬЕРА БОНАПАРТА.

Извлеченіе изъ французскаго сочиненія

А. ЛЕВИ.

(Napoléon intime).

ВАРШАВА.
Военное Книгоиздательство „ОФИЦЕРСКАЯ ЖИЗНЬ".

1912.

Отдѣльный оттискъ жур. „Офицерская Жизнь".

Варшавская Эстетическая Типографія, Великая 25.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее извлеченіе о карьерѣ Бонапарта взято изъ сочиненія Артура Леви „Napoléon intime", одобреннаго парижской академіей наукъ. Затрагивая главнымъ образомъ интимныя стороны жизни Бонапарта съ первыхъ шаговъ его служебной карьеры, А. Леви обрисовываетъ его съ чисто человѣческой стороны.

„Наполеонъ не былъ ни богомъ, ни чудовищемъ, говоритъ онъ въ своемъ предисловіи, онъ былъ человѣкъ, и ничто человѣческое не было ему чуждо". Авторъ выводы свои подтверждаетъ многими приводимыми имъ историческими источниками, провѣряя ихъ въ національныхъ архивахъ. Не соглашаясь съ мнѣніями историковъ, раздѣлившихся на два лагеря—обличителей и почитателей Наполеона, онъ выводитъ главныя черты характера Бонапарта: его въ высшей степени развитое родственное чувство, доброту, благодарность и сердечность.

Франсуа Коппе въ своемъ этюдѣ по поводу сочиненія „Napoleon intime" весьма лестно отзывается объ этой книгѣ, говоря, что единственно въ чемъ онъ могъ бы упрекнуть А. Леви—это въ его немного настойчивомъ желаніи подчеркнуть простоту, добродушіе Бонапарта.

Въ предлагаемомъ очеркѣ мы имѣемъ цѣлью познакомить читателей съ подробными свѣдѣніями лишь о служебной карьерѣ Бонапарта, не касаясь его дальнѣйшей политической дѣятельности.

Е. Герцогъ.

Наполеонъ родился въ Аяччіо *) 15-го августа 1769 года, около одинадцати часовъ утра.

Отецъ Наполеона, Карлъ Бонапартъ, уроженецъ Тосканы, происходилъ изъ дворянскаго рода. Судя по болѣе или менѣе вѣрнымъ свѣдѣніямъ, Бонапарты имѣли право на престолъ въ Тревизѣ.

Мать Наполеона, Летиція Ромалино, до замужества жила въ средѣ банкировъ и коммерсантовъ и уже съ раннихъ лѣтъ пріучалась къ порядку, экономіи и къ правильному веденію дѣлъ, что, очевидно, отразилось на характерѣ Наполеона: честность и аккуратность во всѣхъ денежныхъ дѣлахъ была имъ унаслѣдована отъ матери.

Семья Карла Бонапарта съ каждымъ годомъ увеличивалась и сильно бѣдствовала, такъ какъ происходившія тогда войны разорили Бонапарта. Все его состояніе заключалось въ маленькомъ имѣньи, которое давало отъ одной до полуторы тысячъ франковъ годового дохода.

Надо было хлопотать повсюду, просить всѣхъ, имѣющихъ вліяніе, чтобы добиться необходимой стипендіи на воспитаніе двухъ старшихъ сыновей—Іосифа и Наполеона.

Іосифъ долженъ былъ итти въ духовные, и его помѣстили въ Отёнъ **), а Наполеона, котораго гото-

---

*) Аяччіо—городъ на западномъ берегу острова Корсики.

**) Отёнъ—городъ во французскомъ департаментѣ Соны и Луары. Е. Г.

вили быть морякомъ—въ школу въ Бріенну. Чтобы поступить въ нее, онъ долженъ былъ сначала обучиться французскому языку.

15 декабря 1778 года Карлъ Бонапартъ отправился въ путь съ двумя сыновьями. Прощанье съ семьей было очень трогательное. Всѣ собрались провожать отъѣзжающихъ: дядя Люсьенъ—архидьяконъ въ Аяччіо, старая служанка Маннучіа, которую дѣти звали „теткой", кормилица Иларія и нянька Саверія, которая впослѣдствіи продолжала говорить „ты" великому Императору, какъ говорила ему ты, когда онъ былъ ребенкомъ.

Чтобы оформить поступленіе Наполеона въ Бріеннское училище, отецъ его отправился въ Версаль, гдѣ вручилъ документы сына д'Озіе де Сериньи, судьѣ герольдіи. Обыкновенно отецъ Наполеона подписывался де Буонапартъ, но всѣ документы Наполеона были помѣчены де Бонапартъ. Впослѣдствіи Наполеонъ сохранилъ эту же подпись, т. е. ту, которой было закрѣплено его дворянство.

Въ Отёнѣ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ Наполеонъ такъ хорошо научился французскому языку, что могъ свободно и говорить и писать и 23 апрѣля былъ отвезенъ отцомъ въ Бріенское училище.

Здѣсь, въ новой средѣ товарищей, Наполеонъ сразу почувствовалъ себя одинокимъ. Юные мучители дразнили его происхожденіемъ изъ Корсики, называли „корсиканцемъ" и всячески насмѣхались надъ его произношеніемъ, надъ своеобразными обычаями его родины—Корсики. Его сторонились и не любили, и только одинъ—Бурръенъ—полюбилъ его, и его дружба вскорѣ примирила съ Наполеономъ и остальныхъ товарищей.

Все это тяжело ложилось на душу мальчика. И даже разъ, изведенный насмѣшками, онъ сказалъ Бурръену: „я сдѣлаю твоимъ французамъ столько зла, сколько могу". Фраза эта много обсуждалась послѣ, но Бурръенъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ, что Наполеонъ сказалъ ее, доведенный нападками товарищей. Его звали „корсиканцемъ", онъ остальныхъ—„французами".

Самъ Наполеонъ, будучи уже Императоромъ, въ 1811 году говорилъ Коленкуру: „я былъ самымъ бѣднымъ среди моихъ товарищей... У нихъ были карманныя деньги, у меня—никогда. Я былъ гордъ и дѣлалъ все, чтобы объ этомъ никто не зналъ. Я не умѣлъ ни смѣяться, ни развлекаться, какъ другіе. Ученикъ Бонапартъ имѣлъ хорошія отмѣтки, но онъ не былъ любимъ..."

Каждый историкъ, смотря по своей программѣ—защитника или обличителя, представляетъ Наполеона въ Бріенскомъ училищѣ или какъ феномена, всеобъемлющаго генія, или, какъ ребенка, скрытнаго и своевольнаго, хотя вѣрнѣе всего надо согласиться съ Шатобріаномъ, который говоритъ, что это былъ „маленькій мальчикъ, ничѣмъ не отличавшійся отъ своихъ сверстниковъ". Несмотря на невзгоды школьной жизни, Наполеонъ отлично учился; особенно силенъ онъ былъ въ математикѣ.

Всѣ его помыслы внѣ занятій были исключительно направлены къ семьѣ. Когда Наполеонъ узналъ, что его братъ, Іосифъ, не хотѣлъ больше оставаться въ духовномъ училищѣ, онъ написалъ отцу заботливое, разумное письмо, въ которомъ предлагалъ ему помѣстить Іосифа въ Бріенское училище и даже вызывался приготовить его къ экзамену по артиллеріи. Наполеону тогда было всего тринадцать лѣтъ.

Онъ оставался въ училищѣ пять съ половиной лѣтъ. Въ концѣ концовъ онъ привыкъ къ нему и даже сохранилъ о немъ хорошее воспоминаніе.

Наполеонъ никогда не забывалъ тѣхъ, кого зналъ съ дѣтства. На первомъ мѣстѣ надо отмѣтить Бурръена, который былъ интимнымъ секретаремъ Императора; затѣмъ—Лористона, котораго Наполеонъ назначилъ генераломъ и послѣднимъ посланникомъ въ Петербургъ. Никто не былъ забытъ: ни начальникъ училища, ни помощникъ его, ни учителя, ни священникъ, отецъ Шарль, духовникъ Наполеона. Всѣхъ награждалъ онъ, сдѣлавшись Императоромъ, всѣмъ давалъ хорошія мѣста. Даже швейцаръ Хотэ съ женой были переведены впослѣдствіи въ Мальмезонъ, гдѣ они и кончили свои дни.

Наполеонъ встрѣчалъ всѣхъ знавшихъ его раньше одинаково привѣтливо и въ бытность поручикомъ, и генераломъ, и первымъ консуломъ, и Императоромъ.

Когда 15 сентября 1783 года Наполеонъ закончилъ свои экзамены, у него были такія блестящія отмѣтки, что инспекторъ императорскихъ военныхъ училищъ, кавалеръ Кераліо, сказалъ: „это будетъ превосходный морякъ. Вполнѣ достоинъ перейти въ Парижское училище".

Но Наполеону не суждено было быть морякомъ: вакансій было мало, и ихъ заняли ученики съ большей протекціей. Его хотѣли оставить въ Бріенскомъ училищѣ, но родственное чувство заставило его уйти, чтобы дать возможность поступить въ эту школу брату Люсьену, такъ какъ оба они не могли быть на одной стипендіи. И Наполеонъ, съ грустью отказавшись отъ морской службы, просилъ отца устроить его по артиллеріи или въ инженерныя войска.

19 октября 1784 года Наполеонъ поступилъ, какъ королевскій воспитанникъ, въ военную академію въ Парижѣ. Дмитрій Комненъ, его соотечественникъ—корсиканецъ, встрѣтившій Наполеона при въѣздѣ его въ Парижѣ, писалъ что у него былъ крайне растерянный видъ. Парижъ ошеломилъ его, и онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ по сторонамъ.

Неудивительно, впрочемъ, что Наполеонъ отличался своимъ скромнымъ видомъ провинціальнаго пятнадцатилѣтняго юноши среди блестящихъ и богатыхъ учениковъ военной академіи. Онъ постоянно сознавалъ, что онъ—бѣдный стипендіатъ. Поэтому онъ не могъ пользоваться той роскошью, которой окружали себя его товарищи, а также участвовать въ пиршествахъ, устраиваемыхъ ими. Онъ могъ бы дѣлать долги, но Наполеонъ никогда не забывалъ о бѣдности своей семьи. Когда ему предлагали денегъ взаймы, онъ краснѣлъ и говорилъ: „У моей матери и такъ много заботъ; я не долженъ увеличивать ея расходы, особенно благодаря безразсудству моихъ товарищей".

„Всѣ эти заботы отравили мои юные годы", говорилъ онъ самъ въ 1811 году; „онѣ вліяли на мое настроеніе и сдѣлали меня серьезнымъ раньше времени".

Пребываніе Наполеона въ академіи омрачилось еще и смертью отца, который умеръ тридцати девяти лѣтъ.

Въ своемъ письмѣ къ матери Наполеонъ старался утѣшить ее, обѣщая ей, что они, дѣти, удвоятъ свои заботы и признательность къ ней, чтобы хоть немного облегчить ея страданіе. Душа его разрывалась отъ горя, и онъ писалъ своему дядѣ архіепископу Люсьену:

„Только Богъ можетъ насъ утѣшить..."

Въ академіи Наполеонъ придерживался въ ученьи золотой середины и благополучно сдалъ экзаменъ, несмотря на козни профессора нѣмецкаго языка Бауэра, который находилъ Наполеона недостойнымъ, говоря, что „ученикъ Бонапартъ—ничто иное, какъ тупица". Это опредѣленіе было рѣзко, такъ какъ все таки, изъ пятидесяти восьми учениковъ академіи, Наполеонъ кончилъ сорокъ вторымъ.

Такъ же, какъ и въ Бріенѣ, Бонапартъ сохранилъ глубокое уваженіе къ профессорамъ академіи и осыпалъ ихъ впослѣдствіи своими милостями.

1 сентября 1785 года былъ подписанъ декретъ, которымъ Бонапартъ назначался подпоручикомъ въ роту бомбардировъ полка де ля Фэръ въ Валенсіи.

И вотъ шестнадцатилѣтній подпоручикъ, радостный, надѣваетъ офицерскую форму, которая, впрочемъ, не отличалась особеннымъ изяществомъ, такъ какъ скудныя средства не позволяли щегольства.

Говорили, что его худыя ноги совершенно терялись въ необыкновенно большихъ сапогахъ. Но тѣмъ не менѣе, гордый своимъ новымъ положеніемъ, Бонапартъ поспѣшилъ показаться своимъ друзьямъ Пермонъ, дѣти которыхъ прозвали его „котомъ въ сапогахъ", на что онъ, впрочемъ, не обидѣлся.

За время своего пребыванія въ академіи Бонапартъ бывалъ только у Пермонъ и въ Сенъ-Сирѣ, гдѣ училась его сестра Елизавета.

Бонапартъ выѣхалъ изъ Парижа въ сопровожденіи своего вѣрнаго товарища по академіи—Александра де Мацисъ, назначеннаго въ тотъ же полкъ. Въ Ліонѣ Бонапартъ встрѣтилъ друга ихъ семьи, Берле—секретаря губернатора Корсики, который далъ ему рекомендательное письмо къ аббату де С.-Руффъ въ Валенсіи и небольшую сумму денегъ. Молодые люди не замедлили ее растратить, позабывъ, что передъ ними еще долгій путь и потому должны были продолжать его уже пѣшкомъ.

Въ Валенсіи Бонапартъ поселился у старой дѣвицы М—ль Бу, которая содержала кафе съ бильярдомъ. Отведенная ему комната помѣщалась рядомъ съ бильярдомъ и онъ такъ привыкъ къ ней, что, когда впослѣдствіи пріѣзжалъ въ Валенсію, то всегда останавливался у той же М—ль Бу, въ той же комнатѣ.

Товарищей по полку Бонапартъ любилъ и не забывалъ, достигнувъ славы: онъ всѣмъ имъ помогалъ впослѣдствіи и раздавалъ видныя мѣста.

Юный семнадцатилѣтній офицеръ пользовался большимъ успѣхомъ въ обществѣ Валенсіи, особенно въ салонѣ М—мъ де Коломбье, за дочерью которой онъ слегка ухаживалъ. Но, чтобы еще больше обезпечить свой успѣхъ въ свѣтѣ, онъ проходилъ курсъ танцевъ у учителя Дотель. Этотъ Дотель, преслѣдуемый во время революціи и совершенно разорившійся, въ 1808 году написалъ Императору: „Государь, тотъ, кто научилъ васъ первому шагу въ обществѣ, поручаетъ себя Вашему милосердію". И подписано: „Дотель, бывшій учитель танцевъвъ Валенсіи".

Скоро послѣ этого онъ былъ назначенъ на очень выгодное мѣсто. Вообще со всѣми, кого Бонапартъ зналъ въ Валенсіи, онъ сохранилъ дружескія отношенія, и всегда съ охотой исполнялъ всякія просьбы прежнихъ друзей.

Не смотря на свѣтскій образъ жизни, Бонапартъ не забывалъ и работу и написалъ въ Валенсіи „Исторію Корсики".

Проведя мѣсяцъ въ Ліонѣ со своимъ полкомъ, который былъ вызванъ, чтобы предупредить безпорядки, Бонапартъ поѣхалъ съ полкомъ же въ Дуэ, откуда,

взявши отпускъ, 1 февраля 1787 года отправился въ Аяччіо. Въ маѣ 1788 года онъ вернулся въ полкъ, стоявшій тогда въ Оксоннѣ.

Пребываніе въ Аяччіо, гдѣ онъ видѣлъ нужду семьи, почти доходящую до нищеты, заставило его совершенно измѣнить прежнюю свѣтскую жизнь. Онъ поселился у профессора математики, у котораго бралъ уроки и бывалъ только у своихъ друзей Омонъ, которые часто приглашали его обѣдать. Онъ во всемъ себѣ отказывалъ, питался исключительно молокомъ, не заботясь о своемъ здоровьи и съ достоинствомъ переносилъ свою бѣдность, выдѣляясь среди товарищей любовью къ своему дѣлу. Вся его жизнь въ то время наглядно представляется изъ этого отрывка его письма къ матери:—„Единственный мой рессурсъ здѣсь—это работа. Я переодѣваюсь только одинъ разъ въ недѣлю; сплю очень мало, ложусь въ десять и встаю въ четыре часа утра; ѣмъ только разъ въ день, въ три часа". И, боясь тревожить мать, онъ добавляетъ: „это очень полезно для моего здоровья".

Всѣ эти лишенія, работа, вѣчное безпокойство за свою семью сильно повліяли на здоровье Бонапарта. У него появилось сильное малокровіе и частыя лихорадки.

Вслѣдствіе этого онъ скоро взялъ снова отпускъ на три мѣсяца и уѣхалъ на родину 1 сентября 1789 года, но вернулся въ Оксоннъ только въ январѣ 1791 года.

Желая облегчить немного тяжелое положеніе матери, у которой на рукахъ было восемь человѣкъ дѣтей, Бонапартъ настоялъ, чтобы ему отдали брата Людовика, которому было тогда тринадцать лѣтъ. Такимъ образомъ, приходилось жить вдвоемъ на скромное жалованье подпоручика. Бонапартъ получалъ девятьсотъ двадцать ливровъ въ годъ, т. е. девяносто три ливра четыре денарія въ мѣсяцъ (около сорока рублей на наши деньги). Они должны были проживать по три франка, пять сантимовъ каждый день, то есть: платить за помѣщеніе, одѣваться, питаться и сюда же входила плата за ученіе Людовика.

Этотъ скромный бюджетъ заставлялъ братьевъ жить почти въ нищетѣ.

Въ его двухъ смежныхъ комнатахъ, въ казармахъ всю обстановку составляла кровать, столъ, поставленный въ амбразурѣ окна, книги, бумаги, сундукъ, старый деревянный ящикъ и два стула.

Это была комната будущаго Императора!

Рядомъ съ этой была другая комната съ еще болѣе убогой обстановкой; тамъ, на плохомъ матрасѣ, спалъ будущій король Голландіи.

Бонапартъ собственноручно приготовлялъ несложной обѣдъ, самъ чистилъ свое платье.

Воспоминаніе объ этомъ времени глубоко врѣзалось въ памяти Бонапарта: двадцать лѣтъ спустя, жалуясь на Людовика, онъ сказалъ Коленкуру: „Ахъ, этотъ Луи! Я его воспиталъ на мое жалованье поручика Богъ знаетъ какими лишеніями. Знаете ли вы, какъ я достигъ этого? Вѣдь я не показывался ни въ одномъ кафе, не посѣщалъ общества. Я ѣлъ сухой хлѣбъ и самъ чистилъ свое платье для того, чтобы оно дольше сохранялось..."

„Я знаю все это", говорилъ императоръ одному чиновнику, который тяготился своимъ матеріальнымъ положеніемъ. „Когда я имѣлъ честь быть подпоручикомъ, я завтракалъ черствымъ хлѣбомъ, но я скрывалъ отъ всѣхъ свои лишенія и не заставлялъ краснѣть за себя товарищей".

Въ Оксоннѣ каждая минута времени Бонапарта была распредѣлена. Въ свободные отъ службы часы онъ занимался съ Людовикомъ, а остальное время посвящалъ литературнымъ трудамъ, отчасти изъ любви къ этой работѣ, отчасти ради гонорара.

Съ большимъ смиреніемъ переносилъ онъ свое положеніе; у знакомыхъ появлялся очень рѣдко, хотя его очень любили: Гассенди, капитанъ полка, Наденъ, интендантъ Шаберъ, падчерица котораго особенно цѣнила рѣдкіе визиты Бонапарта, также какъ и М-мъ Ноденъ. Но Бонапартъ очевидно обращалъ мало вниманія на эти отношенія и въ своихъ замѣткахъ, написанныхъ имъ въ Оксоннѣ („Діалоги о любви"), онъ горячо говоритъ: „Я нахожу, что любовь приноситъ вредъ обществу... Въ общемъ я нахожу, что любовь дѣлаетъ больше зла, чѣмъ добра".

Это мнѣніе не должно удивлять: Наполеонъ былъ слишкомъ обремененъ матеріальными заботами,—надо было жить, а не думать о любви.

Въ маѣ 1791 года Бонапартъ былъ назначенъ поручикомъ въ 4-й артиллерійскій полкъ въ Валенсіи, куда онъ и отправился съ братомъ Людовикомъ. Такъ какъ его комната у М-ль Бу была занята, онъ поселился до ея освобожденія въ другой.

Въ Валенсіи Бонапартъ продолжалъ прежнюю скромную жизнь, самое большее, что онъ могъ себѣ позволить—это записаться въ библіотеку. Рѣдкія свободныя минуты онъ посвящалъ разработкѣ диссертаціи на конкурсъ при Ліонской академіи на тему: „Опредѣленіе чувствъ и истинъ, необходимыхъ для счастья людей".

Бонапартъ былъ горячимъ поклонникомъ революціи. Онъ былъ секретаремъ клуба общества сторонниковъ конституціи, члены котораго долго помнили его зажигательныя рѣчи. Взгляды и мнѣнія Бонапарта заставляли нѣкоторыхъ начальниковъ и товарищей косо смотрѣть на него. Самый рьяный его противникъ былъ поручикъ д'Эдувиль. Впослѣдствіи, по настоянію императора, д'Эдувиль, эмигрировавшій изъ Франціи, былъ назначенъ дипломатическимъ агентомъ во Франкфуртѣ. Принимая д'Эдувиля на своей аудіенціи, императоръ сказалъ своимъ придворнымъ, указывая на него: „Вотъ одинъ изъ моихъ старыхъ товарищей, съ которымъ мы не разъ спорили въ Валенсіи по поводу конституціи 1791 года".

Несмотря на недоброжелательство своего полковника, Бонапартъ получилъ отпускъ на три мѣсяца и поѣхалъ съ Людовикомъ въ Корсику. Братья прибыли въ Аяччіо въ началѣ октября 1791 года. Отпускъ Бонапарта продлился до сентября слѣдующаго года.

Пользуясь правами, которыя ему давали декреты собранія, Бонапартъ переименовался въ подполковники національныхъ волонтеровъ Корсики, чтобы получить большій окладъ и такимъ образомъ помогать матери.

Рѣшивъ оставаться вѣрнымъ законамъ собранія, Бонапартъ дошелъ даже до того, что отказался исполнить какое-то неправильное приказаніе своего полковника, Малльяра. Полковникъ немедленно же отставилъ его отъ службы.

Вытребованный въ Парижъ по доносу Малльяра, Бонапартъ разъяснилъ свой поступокъ министру, и былъ не только оправданъ имъ, но даже тотчасъ же назначенъ капитаномъ дѣйствительной службы.

Онъ пріѣхалъ въ Парижъ 20 мая 1792 года. Время ожиданія аудіенціи у министра тянулось томительно долго. Бонапартъ бывалъ у своихъ друзей Пермонъ, но не часто, такъ какъ боялся слишкомъ злоупотреблять ихъ гостепріимствомъ. За это время онъ задолжалъ 15 фр. у виноторговца и заложилъ свои часы у Фовеле. Этотъ Фовеле былъ старшимъ братомъ Бурръена, съ которымъ Бонапартъ вновь встрѣтился. Встрѣча была радостная.

„Наша дружба осталась неизмѣнна", писалъ въ своихъ запискахъ Бурръенъ.—„Судьба меня не баловала, Наполеона тяготила неопредѣленность его положенія. Онъ часто былъ безъ денегъ. Мы проводили время, какъ двое молодыхъ людей, у которыхъ много времени и мало денегъ. Каждый день мы придумывали все новые проекты или спекуляціи..."

Оба друга измышляли разныя комбинаціи, какъ разбогатѣть. Обыкновенно иллюзіямъ своимъ они предавались за обѣдомъ, въ маленькомъ ресторанчикѣ „Трехъ границъ" на улицѣ Валуа. Чаще всего счетъ платилъ Бурръенъ; онъ былъ богаче Бонапарта. Когда Бонапартъ обѣдалъ одинъ, онъ шелъ въ еще болѣе скромный ресторанъ Жюста, гдѣ порція стоила 6 су (около 12 коп.).

За время своего пребыванія въ Парижѣ, Бонапартъ былъ свидѣтелемъ великихъ событій 1792 года.

Гуляя съ Бурръеномъ 20 іюня, онъ видѣлъ толпу, напрявлявшуюся къ Тюльери. „Пойдемъ за этими канальями", сказалъ Бонапартъ. И они пошли за этой свирѣпой шеститысячной толпой, вооруженной чѣмъ попало и проклинавшей королевскій режимъ. Вотъ тогда то Бонапартъ всѣмъ своимъ существомъ почувствовалъ отвращеніе къ анархіи, и когда въ одномъ изъ оконъ дворца показался король, окруженный бунтовщиками, онъ не могъ удержаться и воскликнулъ: „Какіе безголовые! Какъ можно допустить этихъ мерзавцевъ? Надо было бы смести ихъ пушками, остальные убѣжали бы".

10 августа, видя Тюльери, окруженное толпой, и гибель послѣднихъ защитниковъ несчастнаго короля, котораго затащили въ собраніе и предчувствуя, что за этимъ послѣдуютъ еще болѣе ужасныя событія—онъ рѣшилъ уѣхать скорѣе въ Корсику, онъ безпокоился за своихъ и старался поскорѣе устроить свои дѣла, но рѣшеніе министерства еще не было выяснено, и надо было ждать.

13 августа вышелъ декретъ національнаго собранія, по которому должны были быть распущены всѣ королевскія закрытыя учебныя заведенія.

Бонапартъ немедленно же выхлопоталъ разрѣшеніе взять сестру изъ Сенъ-Сира и, наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ, онъ получилъ приказъ снова поступить въ армію и въ чинѣ капитана артиллеріи принять командованіе надъ батальономъ національныхъ волонтеровъ въ Корсикѣ.

1 сентября, добившись въ Версалѣ разрѣшенія взять изъ Сенъ-Сира сестру и получивши прогоны, на которые Елизавета имѣла права, Наполеонъ выѣхалъ съ нею изъ Парижа.

Бонапартъ съ сестрой пріѣхали въ Аяччіо 17 сентября 1792 года. Въ первый разъ послѣ тринадцати лѣтъ вся семья собралась вмѣстѣ; общая радость была бы еще больше, если бы всѣхъ не угнетала мысль о лишеніяхъ которымъ подвергалась вся семья. Единственной поддержкой было жалованье Бонапарта, который принялъ командованіе своимъ батальономъ національныхъ волонтеровъ; онъ утѣшалъ мать, говоря, что уѣдетъ въ Индію, откуда вернется богатымъ набобомъ.

Враждебные поиски Паоли повели къ крупнымъ ссорамъ между нимъ и Бонапартомъ. Причиной этихъ ссоръ былъ вопросъ: перейдетъ ли Корсика въ руки

англичанъ, какъ того желалъ Паоли, или останется у французовъ.

Неудачи французскихъ войскъ на островахъ Маделены и Кальяри поощрили сепаристическіе замыслы Паоли. Онъ собралъ нѣчто въ родѣ повстанческаго совѣта, провозгласилъ себя главой временнаго правительства Корсики и немедленно же отдалъ приказаніе арестовать и выселить всю семью Бонапартовъ. Все это случилось въ отсутствіе Наполеона, который, предвидя неминуемую месть Паоли, окольными путями выѣхалъ изъ Аяччіо. Дорогой онъ узналъ о распоряженіи Паоли относительно его семьи и, пренебрегая опасностями, вернулся въ Аяччіо. При въѣздѣ въ городъ Бонапартъ узналъ, что вся семья въ безопасности и что всѣ они направились въ Кальви, откуда всѣ вмѣстѣ отправились въ Марсель. А въ это время въ Аяччіо паолисты сжигали домъ Бонапартовъ и грабили все ихъ имущество.

Въ своихъ мемуарахъ Люсьенъ Бонапартъ описываетъ положеніе семьи въ 1793 году въ Марселѣ. Большую часть своего жалованья Наполеонъ отдавалъ семьѣ, кромѣ того—какъ эмигрантамъ патріотамъ имъ выдавали порціи солдатскаго хлѣба и умѣренныя субсидіи. Благодаря этой поддержкѣ и экономіи матери, семья могла существовать. Въ этихъ же мемуарахъ Люсьенъ говоритъ о томъ, что служба Наполеона въ Корсикѣ все время считалась дѣйствительной, такъ, какъ, вернувшись во Францію, онъ продолжалъ служить тоже въ чинѣ капитана артиллеріи и получалъ жалованье. Въ это трудное для Бонапартовъ время большое участіе въ нихъ принялъ Клари, фабрикантъ мыла. У него было двѣ дочери—Жюли и Дезирэ. На Жюли женился впослѣдствіи Іосифъ, и вся семья очень желала женить на Дезирэ Наполеона, но на ней женился послѣ Бернадотъ.

Бонапартъ возвратился снова въ свой 4-й полкъ, который находился въ арміи Карто, усмирявшей тогда возмущенія изъ за конституціи на Югѣ. Бонапартъ получилъ приказаніе ѣхать въ Ліонъ за необходимымъ запасомъ пороха для арміи; онъ встрѣтился съ Карто, который далъ ему разныя порученія въ Бакэръ. Въ Бокэрѣ Бонапартъ написалъ знаменитое „Ужинъ въ Бокэрѣ", цѣль котораго была осмѣять по убѣжденію многочисленныхъ партизановъ анархизма.

Въ эту эпоху своей жизни Бонапартъ печаталъ свои произведенія у библіотекаря въ Авиньонѣ (Маркъ Аврелій сынъ). Выражался Бонапартъ ярко и образно и въ продолженіе всей своей жизни онъ сохранилъ въ писаніи тотъ же стиль.

Въ ночь съ 27 на 28 августа Тулонъ измѣннически отдался англичанамъ Армія Карто тотчасъ же выступила, чтобы отобрать снова этотъ городъ.

Атака была произведена 7 сентября.

Домартенъ, начальникъ артиллеріи, былъ раненъ, и Бонапартъ былъ назначенъ на его мѣсто.

Было бы ошибочно думать, что Бонапартъ командовалъ всей артиллеріей подъ Тулономъ—надъ нимъ былъ еще, какъ дѣйствительный начальникъ, генералъ Тейль, прежній покровитель Бонапарта въ Оксонѣ и въ Валенсіи. Опасаясь отвѣтственности, которой подвергались въ то время всѣ начальствующія лица, генералъ Тейль совершенно стушевался, предоставляя дѣйствовать Бонапарту, котораго онъ оцѣнилъ еще въ бытность его поручикомъ.

Со взятія Тулона карьера Бонапарта двигалась неслыханно быстрыми шагами; но, впрочемъ, положеніе его въ арміи въ то время не считалось особенно выдающимся и никого не удивляло.

Въ рапортахъ командующаго только разъ встрѣчается имя Бонапарта и то вмѣстѣ съ именами другихъ, совершенно неизвѣстныхъ офицеровъ.

„Среди тѣхъ, кто болѣе всего отличился, говоритъ Дюгомье въ своемъ бюллетенѣ 1 сентября—это граждане: Бонапартъ, командующій артиллеріей, Іосифъ Арэна и Червони".

Тулонъ былъ взятъ 17 декабря. Эта побѣда Конвента выдвинула впередъ всѣхъ, кто болѣе отличился въ этой осадѣ, и поэтому 22 декабря Бонапартъ былъ назначенъ командиромъ бригады одновременно съ Арэна и Червони.

Но имя Бонапарта было еще совершенно неиз-

вѣстно, о чемъ можно судить по дѣятельной переписке Мармона, тоже офицера артиллеріи, который часто писалъ своимъ роднымъ и ни разу не упоминалъ фамиліи Бонапарта.

Въ 1794 году Жюно увѣдомлялъ своихъ родителей о томъ, что онъ выходитъ изъ своего полка, чтобы поступить въ адъютанты къ Бонапарту, на что отецъ ему отвѣтилъ: „Почему ты покидаешь командира Лябордa? Почему ушелъ ты изъ своего корпуса? Что такое этотъ генералъ Бонапартъ? Гдѣ онъ служилъ? Никто этого не знаетъ“.

Въ Тулонѣ, гдѣ Бонапартъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ жилъ общейсъ офицерами жизнью, онъ познакомился съ Мюрпономъ, который былъ впослѣдствіи его адъютантомъ, съ Мармономъ—послѣ герцогъ де Рагюзъ и съ Сюше—будущимъ герцогомъ д'Альбуфера, съ которымъ онъ часто ходилъ къ интенданту Шове, двѣ дочери котораго нравились обоимъ офицерамъ.

Въ Тулонѣ же узналъ Бонапартъ Жюно (герцогъ Абрантесъ), который былъ тогда сержантомъ и, благодаря прекрасному почерку, былъ секретаремъ Бонапарта.

Бонапартъ—командиръ бригады и окружной инспекторъ—жилъ въ Ниццѣ. Блестящее для его двадцати пяти лѣтъ положеніе его не вскружило ему голову—первой его заботой была всетаки семья. Люсьенъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что всѣ они переселились въ Антибъ, чтобы быть ближе къ Наполеону, который удѣлялъ имъ всѣ свои свободныя минуты. Ему удалось устроить адъютантомъ съ жалованьемъ поручика брата Людовика, которому было тогда шестнадцать лѣтъ, и Іосифа—интендантомъ, помощникомъ Шове.

Въ это время Робеспьеръ—младшій, обезпокоенный настроеніемъ конвента по отношенію къ его брату, уѣзжая въ Парижъ, предложилъ Бонапарту командовать Парижскимъ гарнизономъ. Въ семьѣ Бонапартовъ усиленно обсуждали этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе, что предложеніе было очень соблазнительно.

Люсьенъ передаетъ рѣшеніе Наполеона: „Робеспьеръ—младшій честенъ; но братъ его не шутитъ. Надо къ нему подслуживаться. Я, поддерживать этого челоѣка?—Нѣтъ, никогда! Я знаю, какъ я буду нуженъ ему, замѣняя его—дурака—командующаго, но я именно этого и не хочу. Еще не время. Теперь самое почетное мѣсто для меня—это армія. Подождите немного, я буду командовать въ Парижѣ позднѣе. Что мнѣ дѣлать теперь на этой галерѣ?"

25 Мессидора года II-го Бонапартъ былъ командированъ въ Генyю съ политическимъ и военнымъ порученіемъ. Секретныя приказанія комиссара Рикора предписывали Бонапарту тщательно собрать свѣдѣнія изъ Генуи и Савоны: „изслѣдовать поведеніе, какъ гражданина и политическаго дѣятеля, министра французской республики Тилли и другихъ его агентовъ". Бонапартъ занялся этой конфиденціальной миссіей съ большой осторожностью и усердіемъ, но усердіе это было фатально для него, такъ какъ въ то время не были возможны никакія тайны.

9 термидора Рикоръ былъ замѣщенъ Альбитомъ и Саличети. Истинные революціонеры должны были арестовать своихъ предшественниковъ, чтобы занять ихъ мѣста. Такъ случилось и съ комиссаромъ Рикоръ, которому послали повѣстку о приводѣ. Рикоръ, хорошо зная свой народъ, поторопился уѣхать въ Швейцарію. Въ то же время отдано было приказаніе арестовать Бонапарта, какъ подозрѣваемаго въ измѣнѣ; причиной этого была таинственная поѣздка его въ Генyю.

10 августа подъ усиленной охраной Бонапарта перевезли изъ Ниццы въ фортъ Карре (около Антибъ) гдѣ онъ и былъ заключенъ.

Этотъ неожиданный переходъ отъ величія къ заключенію не былъ удивителенъ въ ту эпоху: многихъ генераловъ постигла участь Бонапарта.

Бонапартъ, вѣрившій въ свою звѣзду, вознаградившую его за горькіе дни его молодости, попавъ въ тюрьму, уже не вѣрилъ въ возможность вернуться снова къ прежней жизни; вѣдь тюрьма въ то время была преддверіемъ гильотины. Но, какъ и вообще всегда, во всѣхъ случаяхъ своей жизни, онъ не рас-

терялся и написалъ Салипетти прошеніе, проникнутое чувствомъ собственнаго достоинства.

„Я служилъ подъ Тулономъ съ нѣкоторымъ отличіемъ, писалъ онъ, и на мою долю выпала тоже часть лавровъ итальянской арміи, которыя она стяжала при взятіи Саорджіо, Онейля и Танаро. Почему обвиняютъ меня, совсѣмъ не выслушавъ меня?

Меня подозрѣваютъ, бумаги мои опечатаны.

Надо было сдѣлать наоборотъ — опечатать мои бумаги, выслушать меня, просить разъясненія, и тогда уже объявить меня измѣнникомъ, если бы я оказался таковымъ...“ Молодые адъютанты Бонапарта—Жюно, Себастіони и Мармонъ выработали планъ бѣгства его изъ тюрьмы, но Бонапартъ, убѣжденный въ своей правотѣ и невиновности, отклонилъ предложеніе друзей, боясь быть скомпрометированнымъ.

Захваченныя бумаги Бонапарта были всѣ пересмотрѣны, и такъ какъ въ нихъ не нашлось ничего предосудительнаго—его освободили.

Пробывъ тринадцать дней въ заключеніи, 24 августа Бонапартъ возвратился въ Ниццу.

Онъ учавствовалъ въ удачныхъ демонстраціяхъ арміи при перевалѣ черезъ Тандъ и былъ назначенъ командующимъ экспедиціонной морской артиллеріей, посланной дѣйствовать въ Чивита—Веккію. Эта попытка не удалась, такъ какъ флотъ французскій не могъ пробиться сквозь линіи англійскихъ судовъ, французы возвратились въ Тулонъ, и экспедиціонный корпусъ былъ расформированъ.

Такимъ образомъ Бонапартъ очутился не у дѣла, и въ первыхъ числахъ апрѣля 1795 года онъ отправился въ Марсель. Тамъ онъ получилъ приказъ принять командованіе артиллеріей въ арміи на Западѣ. Это назначеніе, какъ думали тогда всѣ, было ударомъ для Бонапарта и ставило крестъ на его дальнѣйшей карьерѣ. На глазахъ иностранцевъ онъ долженъ былъ покинуть свою армію, чтобы служить въ другой, усмирявшей внутренніе гражданскіе раздоры.

Опечаленный и недовольный этимъ назначеніемъ, Бонапартъ все таки началъ собираться въ путь; его утѣшала мысль быть ближе къ матери, съ которой

оставались только три дочери и сынъ, Іеронимъ, такъ какъ Люсьенъ женился въ Сенъ-Максименѣ на дочери содержателя гостинницы, Бойеръ, и въ томъ же 1794 году женился и Іосифъ на М-ль Клари.

2 мая 1795 года онъ выѣхалъ съ братомъ Людовикомъ, съ Жюно и съ Мармономъ. Въ Парижѣ они устроились въ скромномъ отелѣ на улицѣ Фоссе-Монмартръ.

Пріѣхавъ въ Парижъ, Бонапартъ явился военному министру. Этотъ новый министръ--Обри—старый капитанъ—однимъ взмахомъ пера назначилъ самъ себя начальникомъ дивизіи и главнымъ инспекторомъ артиллеріи и вычеркнулъ Бонапарта изъ списковъ артиллеріи, назначивъ его по пѣхотѣ.

Бонапартъ отказался отъ этого перевода. „Вы слишкомъ молоды“, повторялъ Обри, не бывавшій никогда на войнѣ; „надо дать дорогу старшимъ”.

„На войнѣ быстро старятся“—возражалъ Бонапартъ, „а я къ этому иду“.

Но Обри былъ непреклоненъ, и молодой генералъ формально отказался отъ службы въ пѣхотѣ.

Положеніе Бонапарта становилось критическимъ. Барра и Фреронъ, знавшіе его по Тулону, взялись хлопотать за него въ министерствѣ, но все, что они могли сдѣлать для Бонапарта—это получить для него разрѣшеніе остаться въ Парижѣ, безъ жалованья однако.

Историки видѣли въ этомъ нежеланіи Бонапарта командовать пѣхотной бригадой какія то таинственныя намѣренія. Юнгъ такъ обрисовывалъ его въ то время:

„...Онъ былъ одинокъ съ своей шпагой и, какъ истый кондотьеръ, могъ отдать ее тому, кто предложитъ за нее наибольшую сумму... Таковъ былъ генералъ Бонапартъ, живой синтезъ добра и зла, этотъ „чудовищный вибріонъ”, который только ищетъ подходящую почву, чтобы развиться во всей своей силѣ”.

Мармонъ, безпристрастно описывавшій въ своихъ мемуарахъ этотъ періодъ жизни Бонапарта, не представлялъ его вѣроломнымъ человѣкомъ. Онъ объ-

ясняетъ причину отказа Бонапарта отъ назначенія его въ пѣхоту. „Тотъ, кто не служилъ въ артиллеріи, говоритъ онъ — не можетъ понять того презрѣнія, которое питали въ то время артиллеристы къ службѣ въ пѣхотѣ; казалось позорнымъ для артиллериста получить командованіе пѣхотой или кавалеріей".

Самъ Бонапартъ писалъ въ то время одному изъ своихъ друзей: „Меня назначили въ Вандэйскую армію пѣхотнымъ генераломъ; я отказываюсь. Многіе офицеры могли бы командовать бригадой лучше меня и немногіе командовали артиллеріей съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ командовалъ я".

Лишенный жалованья, Бонапартъ, чтобы жить въ Парижѣ, постепенно продавалъ все, безъ чего онъ могъ обойтись.

Каждый день онъ посѣщалъ вліятельныхъ лицъ, чтобы чего нибудь добиться. Свободное его время проходило въ удовольствіяхъ полезныхъ и дешевыхъ; онъ ходилъ въ обсерваторію, гдѣ знаменитый Ляляндъ объяснялъ ему начала астрономіи или вмѣстѣ съ Жюно уходилъ въ Jardin des Plantes, и тамъ въ тѣни аллей они вели задушевныя бесѣды. Жюно былъ влюбленъ въ сестру Бонапарта Полину и мечталъ на ней жениться, но Бонапартъ уговаривалъ его подождать, доказывая, что бракъ этотъ пока невозможенъ изъ за недостатка средствъ. Самъ Бонапартъ, завидуя счастью брата Іосифа, въ свою очередь мечталъ жениться на Дезире Клари.

Положеніе Бонапарта въ Парижѣ становилось все стѣснительнѣе; часто приходилось жить на деньги, получаемые Жюно отъ родителей, а когда долго не получались они, Бонапартъ велъ обѣдать своего пріятеля къ М-мъ Пермонъ.

Во время своего пребыванія въ Парижѣ, Бонапартъ велъ дѣятельную переписку съ Іосифомъ; всякое событіе, всякая мелочь, происходившая въ семьѣ, интересовали Бонапарта. Изъ писемъ этихъ видно, что онъ былъ въ угнетенномъ состояніи духа, но, не желая тревожить своихъ, онъ описывалъ все въ розовомъ свѣтѣ, многое скрывалъ, многое прикрашивалъ. Онъ утѣшался мыслью уѣхать въ Турцію. Заботой Бонапарта была въ то время устроить Іосифа консуломъ и онъ писалъ, что спеціально для этого остается въ Парижѣ. „Ты знаешь, писалъ онъ, — я живу только той радостью, которую могу доставить вамъ".

Бонапарта поражали блескъ и роскошь—это безумное веселье послѣ едва разсѣявшагося тяжелаго кошмара революціи; онъ не раздѣлялъ этого общаго оживленія и былъ вдалекѣ отъ этой шумной жизни. А между тѣмъ онъ писалъ Іосифу: „я доволенъ; мнѣ не достаетъ только какого нибудь сраженія; надо, чтобы воинъ срывалъ лавры или умеръ бы на полѣ брани..."

„Я работаю въ топографическомъ бюро комитета общественнаго спасенія по передвиженію войскъ", писалъ онъ немного послѣ. „Я замѣняю Карно. Если я попрошу, меня могутъ назначить въ Турцію инструкторомъ артиллеріи, съ хорошимъ жалованьемъ".

Бонапартъ получилъ лестное для него назначеніе при комитетѣ общественнаго спасенія, но на счетъ поѣздки въ Турцію сильно сомнѣвался, такъ какъ комитетъ не отпускалъ его. Онъ былъ заваленъ работой; обстоятельства его настолько поправились, что онъ пріобрѣлъ трехъ лошадей и кабріолетъ.

„Я вижу впереди все только пріятное, писалъ онъ; еслибы было иначе, надо бы жить настоящимъ; а вѣдь сильный человѣкъ долженъ презирать будущее!!."

Если бы Бонапартъ хотѣлъ воспользоваться своимъ новымъ положеніемъ въ топографическомъ бюро комитета, онъ безусловно тогда же могъ играть крупную политическую роль; это былъ прекрасный случай. Но онъ не думалъ объ этомъ, онъ рвался въ Турцію. Артиллерія была его кумиромъ; онъ готовъ былъ всѣмъ пожертвовать, только бы ему дали его пушки!

Спокойный, наружный тонъ, которымъ писалъ Бонапартъ брату Іосифу, совершенно расходился съ его моральнымъ и физическимъ состояніемъ. Его встрѣчали на улицахъ Парижа небрежно одѣтымъ, фланирующимъ неувѣренными шагами.

Онъ былъ очень худъ, а темный цвѣтъ лица его и обострившіяся черты еще болѣе подчеркивали его болѣзненный видъ; длинныя, исхудавшія руки его ви-

сѣли, какъ плети. Онъ не носилъ перчатокъ, говоря что это лишняя трата.

Настроеніе духа у него было угнетенное и хотя онъ и старался быть веселымъ, но часто не владѣлъ собой. Жена Буррьена, встрѣтившая его въ этомъ 1795 году писала, что Бонапартъ искренно обрадовался своему другу Буррьену, но ее поразилъ видъ его, особенно, когда они всѣ вмѣстѣ были въ театрѣ, и вся публика покатывались отъ смѣха, тогда какъ Бонапартъ оставался невозмутимымъ и равнодушнымъ.

Дѣйствительно, Бонапарту было не до смѣха— каждую минуту онъ рисковалъ попасть въ опалу въ военномъ бюро комитета общественнаго спасенія, къ тому же онъ былъ озабоченъ обезпеченіемъ себя матеріальными средствами въ случаѣ устраненія его отъ службы въ этомъ бюро.

Выборъ его остановился на коммерческомъ предпріятіи; онъ занялся экспортомъ книгъ, но первый его опытъ—посылка ящика книгъ въ Базель—былъ неудаченъ. Какъ разъ въ это время Бонапартъ сталъ снова хлопотать о назначеніи въ Турцію, но тоже безуспѣшно.

Казалось, солнце совершенно закатилось на горизонтѣ Бонапарта; неудача за неудачей сыпались на него, а лавры Тулона и Италіи казались навсегда забытыми. Въ это же время онъ былъ отвергнутъ Дезире Клари. Все это окончательно повергло въ отчаяніе Бонапарта, и онъ уже не вѣрилъ въ счастье, такъ было ласкавшее его, двадцатипятилѣтняго генерала. Но просвѣтъ явился тамъ, гдѣ его меньше всего можно было ожидать. Ни Барра, ни Фреронъ, ни Маріеттъ, котораго Бонапартъ спасъ отъ разъяренной толпы въ Тулонѣ не поддержали его тогда—это былъ совсѣмъ почти незнакомый ему Буасси д'Англя. Онъ содѣйствовалъ назначенію Бонапарта на мѣсто, гдѣ онъ могъ примѣнить свои способности командующаго.

Въ іюнѣ 1795 года Понтекулянъ—членъ комитета общественнаго спасенія—поступилъ въ военный комитетъ и былъ уполномоченъ распоряжаться военными дѣйствіями. Въ то время въ бюро военномъ царилъ такой безпорядокъ, что когда понадобился

планъ кампаніи двухъ армій въ Пиренеяхъ, его нашли въ прихожей на днѣ ящика, въ столѣ одного изъ служителей бюро.

Понтекулянъ не скрывалъ своего затрудненія и волненія, видя полную неурядицу въ бюро. Какъ то разъ онъ встрѣтился въ Конвентѣ съ Буасси д'Англя, который сказалъ ему, что встрѣтилъ одного генерела, участвовавшаго въ походахъ въ Италіи, что генералъ этотъ знаетъ хорошо свое дѣло и могъ бы дать полезныя свѣдѣнія Понтекуляну.

— Пришлите его мнѣ, сказалъ Понтекулянъ.

На слѣдующій день Бонапартъ явился въ кабинетъ Понтекуляна. Видъ молодого генерала поразилъ его; онъ говорилъ, что никогда въ жизни не приходилось ему видѣть такого истощеннаго, блѣднаго молодого человѣка, и хотя по виду онъ и не внушалъ довѣрія, какъ протеже Буасси д'Англя, однако Понтекулянъ сразу увидѣлъ, что Бонапартъ разсуждалъ дѣльно и правильно о военныхъ дѣлахъ.—„Изложите все это письменно и принесите мнѣ", сказалъ онъ Бонапарту. Но Бонапартъ не пришелъ.

Черезъ нѣсколько дней, увидѣвъ Буасси д'Англя, Понтекулянъ сказалъ ему:

— Я видѣлъ вашего протеже; онъ, должно быть, совершенно сумасшедшій. Я велѣлъ ему притти, но онъ не являлся ко мнѣ.

— Онъ думалъ, что вы надъ нимъ смѣетесь,—сказалъ Буасси д'Англя,—такъ какъ разсчитывалъ работать вмѣстѣ съ вами.

— Въ такомъ случаѣ скажите же ему, чтобы онъ завтра пришелъ.

Бонапартъ, по горькому опыту зная, что отъ временщиковъ нельзя ничего хорошаго ожидать, такъ же, какъ отъ Обри и, убѣдившись изъ разговора съ Понтекуляномъ въ его полной некомпетентности и неспособности въ военныхъ дѣлахъ—не сталъ писать своихъ соображеній о войнѣ. „Это—благородный способъ отдѣлаться отъ меня", рѣшилъ онъ и не вернулся въ бюро.

Тѣмъ не менѣе, уступивъ настояніямъ Буасси д'Англя, Бонапартъ набросалъ нѣсколько страницъ, выражая свои мысли по поводу арміи въ Италіи. Для очистки совѣсти онъ отнесъ свою работу въ бюро.

Понтекулянъ прочелъ замѣтки Бонапарта и, пораженный его основательными знаніями, думая, что авторъ еще въ передней, велѣлъ позвать его, но Бонапарта уже не было. Онъ возвратился на слѣдующій день.

— Хотите ли вы работать со мной?—спросилъ его Понтекулянъ.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ и сѣлъ за столъ.

Бонапартъ оказалъ незамѣнимую услугу Понтекуляну; его работы были включены послѣ въ исторію. Довольный усердіемъ своего секретаря, Понтекулянъ спросилъ его, чтобы онъ могъ для него сдѣлать? Бонапартъ сейчасъ же попросилъ перевести его снова въ войска артиллеріи. Понтекулянъ—министръ около тридцати лѣтъ—допускалъ возможность быть командиромъ бригады въ двадцать пять лѣтъ; но не такъ смотрѣли другіе его товарищи. Онъ совѣтовался съ министромъ Конвента Летурнёромъ по поводу просьбы Бонапарта. Летурнёръ, съ еще болѣе ограниченнымъ умомъ, чѣмъ Обри, рѣзко отвѣтилъ, что не находитъ возможнымъ исполнить „честолюбивое" желаніе Бонапарта, такъ какъ есть много старше его въ ученыхъ войскахъ, и даже самъ Карно былъ только въ чинѣ капитана.

Итакъ Бонапартъ, много разъ отличившійся на полѣ сраженія, приведшій въ порядокъ дѣла военнаго комитета и составившій тамъ планъ кампаніи, по которому армія заняла Вадо - потерпѣлъ опять крушеніе. Ему было отказано отъ мѣста, на которое онъ имѣлъ всѣ права, только потому, что Летурнёръ, предпочитавшій съ 1789 года парламентскія битвы битвамъ съ непріятелями, былъ въ сорокъ четыре года только инженернымъ капитаномъ.

Бонапарту предложили оставить за собой его мѣсто въ бюро. Онъ отказался и просилъ снова Понтекуляна перевести его въ Турцію.

Все было уже готово, декретъ представили въ засѣданіе комитета общественнаго спасенія, которое наводило справки въ артиллерійской канцеляріи объ офицерахъ, просившихъ тоже перевода въ Турцію,

Но очевидно въ комитетѣ сильно царствовалъ произволъ, такъ какъ въ тотъ же день 29 фруктидора было издано постановленіе объ отказѣ Бонапарту въ переводѣ, какъ не принявшему предложеннаго ему назначенія въ Западной арміи.

Это была — послѣдняя насмѣшка судьбы.

Но Бонапартъ рѣшилъ бороться. Постараться отмѣнить постановленіе, отнимавшее у него чинъ, въ которомъ онъ находился до службы его въ бюро—не представлялось еще труднымъ; надо было собрать сторонниковъ, рекомендовавшихъ бы его и заставившихъ бы комитетъ выслушать его. Ему удалось найти покровителей и онъ вступилъ въ бой.

Дѣло пошло успѣшно, такъ какъ отказано ему было 15 сентября, а 26 онъ уже писалъ брату Іосифу: „Теперь больше, чѣмъ когда нибудь, поднять вопросъ о моемъ назначеніи".

Вскорѣ онъ былъ избранъ кандидатомъ на командира артиллерійской бригады.

Бонапартъ, руководствуясь указомъ комитета, хотѣлъ воспользоваться правомъ получить сукно на обмундировку; сукно выдавалось всѣмъ офицерамъ, состоящимъ на дѣйствительной службѣ. Но такъ какъ Бонапартъ уже не былъ въ строю, работая въ военномъ бюро, ему было отказано. М-мъ Тальенъ вмѣшалась въ дѣло и написала письмо интенданту 17 дивизіи—Лефевъ, который нѣсколько дней спустя исполнилъ ея просьбу и выдалъ Бонапарту сукно. Бонапартъ вынужденъ былъ просить сукно, благодаря бѣдности. По словамъ барона Фэна, платье бригаднаго командира, которое онъ не снималъ, „много разъ было подъ огнемъ и носило слѣды неудобствъ бивуаковъ. Вышивка, обозначающая чинъ, просто представляла собою совсѣмъ по военному упрощенный шелковый галунъ, подъ названіемъ „система".

Въ то время, для того, чтобы добиться чего нибудь у Барра, надо было ухаживать за м-мъ Тальенъ,

царившей въ эти дни въ Парижѣ. Несмотря на то, что видъ у Бонапарта далеко не подходилъ къ блестящему салону м-мъ Талльенъ, критическое его положенiе заставило его пренебречь этимъ и онъ сталъ бывать у влiятельной дамы.

Въ этомъ большомъ обществѣ Бонапартъ былъ совсѣмъ не замѣтенъ, но когда онъ оживлялся, онъ становился остроумнымъ и находчивымъ.

Какъ то разъ онъ началъ, шутя, гадать по рукѣ м-мъ Талльенъ; онъ сдѣлалъ это не безъ задняго умысла обратить на себя ея вниманiе. Общество заинтересовалось, и всѣ смѣялись смѣшнымъ предсказанiямъ Бонапарта. Какой контрастъ представляли они въ этотъ моментъ! Будущiй завоеватель Европы, тщедушный и худой, въ потасканной формѣ, съ лицомъ, какъ пергаментъ, съ висящими ненапудренными волосами на вискахъ и подобранными сзади хвостикомъ,— держалъ руку знаменитой красавицы, которую звали тогда „Notre dame de Termidor!"

Среди гостей, наблюдавшихъ за этой забавной сценкой, была томная, увлекательная брюнетка—вдова Богарнэ. Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ этого вечера ей суждено было стать женой этого „предсказателя"; черезъ три года она была почти владычица Францiи, а немного послѣ—папа короновалъ ее въ Парижѣ.

Тогда, въ тотъ вечеръ, Бонапартъ не могъ бы предсказать себѣ такого будущаго, и если бы ему пришло въ голову говорить о немъ, слушатели смѣялись бы еще больше, какъ самой невѣроятной выдумкѣ...

Между тѣмъ, въ это время въ Парижѣ поднялось возмущенiе. Конвентъ обнародовалъ добавочныя статьи конституцiи III-го года, по которымъ оба совѣта—совѣтъ Пятисотъ и совѣтъ Старѣйшихъ должны были составить двѣ трети, и только одна треть предназначалась народному избирательству. Это ограниченiе было поводомъ къ смутамъ, поддерживаемымъ роялистами. Соединенными силами агитаторы и роялисты грозили напасть на Конвентъ и разрушить его. Генералъ Мену, главнокомандующiй парижскими войсками, не сумѣлъ подавить бунтъ, разгорѣвшiйся 12 ван-

демьера, напротивъ, онъ вступилъ въ переговоры съ толпой и, послѣ извѣстнаго рода капитуляцiи, отошелъ съ своими войсками, а партiи продолжали занимать свои позицiи. Узнавъ объ этомъ, Конвентъ растерялся, думая, что войска измѣнили. Мену арестовали, генераловъ Депьера, Дебора и Дюху отрѣшили отъ должности. Тѣмъ не менѣе, время шло, и ощущалась настоятельная необходимость въ умѣломъ предводителѣ, котораго надо было выбрать не медля, въ ту же ночь. Члены конвента не хотѣли никого, кромѣ своихъ представителей, и всѣ взгляды обратились къ Барра; его выбрали главнокомандующимъ.

Барра, антимилитаристъ по взглядамъ и вслѣдствiе своей изнѣженной и роскошной жизни, совершенно не могъ вникнуть въ обязанности, возложенныя на него и растерялся, видя смятенiе среди войскъ. Онъ обратился къ Карно, жалуясь на свое безпомощное положенiе.

Карно посовѣтовалъ ему выбрать себѣ въ помощники одного изъ генераловъ и назвалъ ему трехъ —Брюна, Вердiера и Бонапарта. Нѣкоторые представители Конвента перечислили другихъ генераловъ. „Нѣтъ", отвѣтилъ Барра, „сюда вовсе не надо пѣхотныхъ генероловъ — нуженъ артиллерiйскiй генералъ".

Услышавъ это, Фреронъ, страстно влюбленный въ сестру Бонапарта—Полину, сталъ настаивать на выборѣ Бонапарта въ помощники Барра и тотчасъ же пошелъ за нимъ. Увидѣвъ Бонапарта, Барра отвелъ его въ сторону и спросилъ,—не желаетъ ли онъ быть вторымъ командующимъ армiей Конвента. Не получая сейчасъ же отъ него отвѣта, Барра сказалъ: „я даю вамъ три минуты на размышленiе". И они оба стояли нѣкоторое время въ глубокомъ молчанiи.

Въ эти минуты рѣшалась судьба Бонапарта, судьба Францiи и Европы. Онъ быстро соображалъ: куда ведетъ его долгъ? Представлялось заманчивымъ разрушить Конвентъ, который былъ ни чѣмъ инымъ, какъ терроромъ и сплошной рѣзней; прогнать неспособныхъ завистниковъ, причинившихъ ему лично столько страданiй—эту программу бунтовщиковъ Бонапартъ одо-

брялъ и уже рѣшилъ уклониться отъ предложеннаго ему назначенія, какъ вдругъ, бросивъ быстрый взглядъ на настоящее положеніе дѣлъ Франціи, въ мгновенье ока онъ увидѣлъ австрійцевъ, уже готовыхъ къ атакѣ съ своими пятьюдесятью тысячами людей у воротъ Страсбурга и вмѣстѣ съ тѣмъ и сорокъ англійскихъ судовъ, находящихся уже около Бреста.

Тогда Бонапартъ уже не колеблется; патріотическое чувство взяло верхъ надъ нежеланіемъ служить тѣмъ, кого онъ ненавидитъ, и онъ принялъ назначеніе.

— Я принимаю ваше предложеніе,—сказалъ онъ Барра;—но предупреждаю васъ: разъ я вынулъ шпагу изъ ноженъ, я не вложу ее опять, прежде чѣмъ не водворю порядокъ.

Эта сцена произошла въ часъ ночи 13 вандемьера, а вечеромъ того же дня Барра явился въ Ассамблею, чтобы объявить о побѣдѣ войскъ Конвента.

На слѣдующій день, 14 вандемьера, Бонапартъ былъ назначенъ начальникомъ дивизіи, а 18 имя его, наконецъ, было произнесено въ Конвентѣ, и о немъ заговорили въ публичномъ засѣданіи.

— Не забудьте,—говорилъ Фреронъ,—что генералъ артиллеріи Бонапартъ, назначенный въ ночь съ 12 на 13 имѣлъ въ своемъ распоряженіи только утро 13 для того, чтобы сдѣлать искусныя диспозиціи, результатъ которыхъ вы видите.

Имя Бонапарта съ трибунъ переходитъ въ газеты и выплываетъ съ того времени на свѣтъ изъ тѣни, скрывавшей его до тѣхъ поръ.

26 октября Бонапартъ назначается, наконецъ, главнокомандующимъ внутренней арміей. Онъ поселился въ главной квартирѣ на улицѣ Капуцыновъ.

Начальникомъ штаба онъ назначилъ Дювиньо, адъютантами своими—Жюно, Лемаруа и немного позднѣе—Мармона и брата Людовика.

Водворившись въ главной квартирѣ, Бонапартъ сразу очутился въ роскошной обстановкѣ; разные недочеты въ туалетѣ, въ видѣ нечищенныхъ сапогъ, были совершенно устранены; онъ появлялся въ великолѣпныхъ собственныхъ экипажахъ.

Эта рѣзкая перемѣна, однако, не опьянила Бонапарта и не отразилась на его характерѣ, хотя такое неожиданное счастье могло бы совершенно измѣнить его. тѣмъ болѣе, что молодому генералу было всего двадцать шесть лѣтъ.

Изъ его писемъ въ то время и изъ разсказовъ современниковъ видно, что онъ оставался такимъ же отзывчивымъ и чуткимъ къ другимъ. Прежде всего онъ позаботился о своемъ арестованномъ предшественникѣ—Мену, котораго ему удалось освободить.

Въ ночь съ 13 на 14 вандемьера (съ 5 на 6 октября) Бонапартъ писалъ Іосифу:

„Наконецъ, все кончено, и мое первое движеніе —это написать тебѣ. Конвентъ приказалъ обезоружить взводы Ляпеллье; они отбросили войска... Конвентъ выбралъ Барра начальникомъ главныхъ силъ; комитетъ выбралъ меня вторымъ командующимъ. Мы выставили свои войска, враги атаковали насъ у Тюльери. Мы ихъ обезоружилиии,—все спокойно. Какъ и всегда, я не раненъ... Счастье за меня".

Въ письмахъ своихъ Бонапартъ дѣлится съ братомъ и съ своей семьей всѣми событіями, интересуется всѣмъ, что дѣлается въ родныхъ ему семьяхъ и постоянно заботится о нихъ. „Ты не долженъ безпокоиться за мать,—писалъ онъ Іосифу—я обо всемъ позаботился... Ты скоро получишь консульство. Если тебѣ скучно въ Генуѣ, пріѣзжай сюда; въ твоемъ распоряженіи помѣщеніе, столъ и экипажъ. Если ты не хочешь быть консуломъ, ты выберешь себѣ здѣсь мѣсто по твоему желанію".

11 января 1796 года онъ писалъ: „Масса занятій и ихъ важность мѣшаетъ мнѣ чаще писать тебѣ. Я такъ радъ и такъ счастливъ. Я послалъ матери шестьдесятъ тысячъ франковъ серебромъ и ассигнаціями, и тряпокъ, не безпокойся о нихъ... Я очень доволенъ Людовикомъ; онъ мой адъютантъ въ чинѣ капитана; Мармонъ и Жюно—оба адъютанты и командуютъ батальонами. Іеронимъ (братъ) въ училищѣ".

...„Люсьенъ уѣзжаетъ въ Сѣверную армію военнымъ комиссаромъ".

Новый видный постъ, занимаемый Бонапартомъ, заставилъ его быть болѣе свѣтскимъ, посѣщать дома разныхъ вліятельныхъ лицъ, играя въ нихъ замѣтную роль. Побѣда 13 вандемьера сразу окружила его ореоломъ славы, и онъ съ тріумфомъ входилъ въ роскошные салоны, гдѣ раньше не обращала на себя вниманія его озабоченная, тщедушная фигурка. Иногда онъ обѣдалъ у Лявальеръ-Лепо, который вмѣстѣ съ женой съ энтузіазмомъ отзывался о Бонапартѣ, называя его своимъ „маленькимъ генераломъ".

Чаще всего Бонапартъ бывалъ у Барра.

Это былъ самый блестящій и многолюдный салонъ того времени. М-мъ Талльенъ, не скрывавшая своей связи съ Барра, была центромъ общаго поклоненія и заискиванія; въ ея домѣ собиралось самое разнообразное общество, весело и непринужденно проводившее время. Бонапартъ избѣгалъ карточныхъ столовъ и предпочиталъ общество дамъ, среди которыхъ преимущественно удѣлялъ вниманіе красивой вдовушкѣ Богарнэ, и чѣмъ чаще онъ ее видѣлъ, тѣмъ больше разгоралось въ немъ чувство, впервые такъ сильно имъ овладѣвшее.

Мармонъ, свидѣтель его увлеченія, говоритъ:

„Повидимому это была его первая страсть и онъ воспринялъ ее со всѣмъ пыломъ своего характера. Ему было 27 лѣтъ, ей больше 32. Несмотря на то, что она уже утратила всю свѣжесть, она все таки могла нравиться".

Хотя Жозефина Богарнэ и не была такъ ослѣпительно красива, какъ м-мъ Талльенъ, все же ей легко было возбудить страсть Бонапарта, не любившаго ни одной женщины до нея.

Это была шатенка, средняго роста, съ матовымъ лицомъ, освѣщавшимся громадными темно-синими глазами, съ длинными слегка загнутыми кверху ресницами. Ея граціозныя и томныя движенія придавали ей особую экзотическую прелесть.

Историки—изъ лагеря обличителей Бонапарта—видѣвшіе въ каждомъ шагѣ его какую нибудь скрытую преднамѣренную цѣль, находили, что и любовь его къ Жозефинѣ была не безъ задней мысли получить

черезъ ея посредство командованіе итальянской арміей, такъ какъ многіе изъ современниковъ утверждаютъ, что Жозефина находилась въ интимныхъ отношеніяхъ съ Барра. Это предположеніе сомнительно потому, что врядъ ли м-мъ Талльенъ дружила бы съ такой опасной соперницей, боясь выпустить изъ своихъ рукъ могущественнаго правителя. Предположеніе это доказываетъ пристрастный взглядъ многочисленныхъ недоброжелателей Бонапарта, которые находятъ, что карьера его значительно подвинулась впередъ только благодаря будто бы этой скандальной сдѣлкѣ.

У Бонапарта, какъ и у многихъ молодыхъ людей того времени, была сильная матримоніальная наклонность. Съ 1794 года—бракъ сдѣлался его завѣтной мечтой, и онъ съ завистью говорилъ Бурьену про женившагося тогда Іосифа: „Счастливецъ этотъ Іосифъ!"

Жозефина, какъ женщина практичная, не могла не понимать всей выгоды брака ея съ Бонапартомъ, дававшаго ей сразу видное положеніе и такимъ образомъ реабилитировавшаго её въ глазахъ общества. Ей льстило ухаживаніе молодого генерала, спасителя Республики, и, намѣтивъ себѣ его, она не теряла времени. Сохранилась записка Жозефины къ Бонапарту, въ которой она упрекала Бонапарта въ его рѣдкихъ визитахъ и звала къ себѣ, говоря, что ей надо сообщить ему объ интересующихъ его дѣлахъ.

Изъ этихъ строкъ видно, что не Бонапартъ ждалъ протекціи отъ Жозефины, а что, напротивъ, она сама заманивала его подъ разными предлогами. Если дѣйствительно назначеніе Бонапарта и было связано съ женитьбой его на Жозефинѣ, то ничего нѣтъ удивительнаго, что Жозефина, желая упрочить положеніе своего жениха въ Директоріи и ускорить его движеніе по службѣ, въ своихъ же выгодахъ хлопотала о назначеніи его въ Италію. Потому что въ ней не было и тѣни чувства къ Бонапарту, и она сама признавалась въ своемъ полномъ равнодушіи къ нему въ письмѣ къ одной изъ своихъ пріятельницъ. „Любите-ли вы его, спросите вы меня? Но... нѣтъ".

Изъ дальнѣйшихъ словъ того же письма Жозе-

фины видно, что не Бонапартъ уполномачивалъ ее хлопотать за него, а дѣйствовала она самостоятельно. „Барра увѣряетъ, что если я выйду за генерала (Бонапарта), онъ получитъ должность главнокомандующаго арміи въ Италіи. Вчера Бонапартъ, разсказывая мнѣ объ этой милости, о которой уже говорятъ его собратья по оружію, хотя это еще и неизвѣстно, сказалъ: „неужели они думаютъ, что мнѣ нужна протекція для того, чтобы достичь этого? они будутъ счастливы, если я самъ пожелаю оказать имъ свою протекцію. Моя шпага со мной, а съ ней я далеко пойду".

Эта увѣренность Бонапарта безпокоила Жозефину; она сама признавалась, что, помимо воли, готова подчиниться этому „странному человѣку", хотя и не знаетъ, куда можетъ завлечь его пылкая фантазія. Тѣмъ не менѣе прекрасная креолка продолжала свою искусную тактику, и вѣроятно слова ея расходились съ дѣломъ, такъ какъ она успѣшно играла роль влюбленной, что видно изъ страстныхъ писемъ Бонапарта, писанныхъ ей въ этотъ періодъ его увлеченія. Только послѣ многихъ лѣтъ Бонапартъ убѣдился, что былъ только средствомъ къ достиженію желаній Жозефины, а не цѣлью ихъ; только тогда, когда почти весь міръ былъ у его ногъ, она любила его той любовью, о которой онъ все время мечталъ, и эта поздняя любовь убила его чувство къ ней.

Занятія и срочная работа надъ планомъ дѣйствій итальянской арміи не позволяли Бонапарту часто посѣщать Жозефину. Онъ сдѣлалъ предложеніе только въ январѣ 1796 года. Жозефина приняла предложеніе и переселилась въ домѣ, купленномъ Бонапартомъ за 6,400 франковъ.

Говорятъ, что побужденіемъ къ женитьбѣ для Бонапарта послужило желаніе вести роскошную жизнь, которую сулилъ ему этотъ бракъ, но нотаріальный актъ при покупкѣ дома неоспоримо доказываетъ, что домъ этотъ никогда не принадлежалъ Жозефинѣ.

Когда было объявлено о помолвкѣ, женихъ съ невѣстой дѣлали визиты. Какъ то разъ, въ одинъ изъ

такихъ выѣздовъ, Жозефина заѣхала подъ какимъ то предлогомъ къ своему нотаріусу, Рагидо, для того, чтобы окончательно посовѣтоваться съ нимъ на счетъ своего замужества. Бонапартъ остался въ сосѣдней комнатѣ. Нотаріусъ отговаривалъ Жозефину.

— Какъ, говорилъ онъ, выйти за генерала, у котораго ничего нѣтъ, кромѣ дворянства! Самое большое, что у него есть, это какой то домишко. Вѣдь это маленькій генеральчикъ безъ имени, безъ будущаго, ниже всѣхъ извѣстныхъ генераловъ Республики! Ужъ тогда лучше выйти за мужъ за какого нибудь поставщика".

Черезъ полуоткрытую дверь Бонапартъ услыхалъ слова нотаріуса, но промолчалъ и никогда послѣ не упоминалъ объ этомъ разговорѣ. Онъ отомстилъ черезъ восемь лѣтъ, пригласивъ Рагидо на свое коронованіе и предоставивъ ему мѣсто въ первомъ ряду въ соборѣ Парижской Богоматери для того, чтобы онъ могъ лучше видѣть, куда привелъ маленькій генеральчикъ его бывшую кліентку.

23 февраля Бонапартъ былъ назначенъ главнокомандующимъ италіянской арміей, а 9 марта 1796 г., наканунѣ декады *) состоялся гражданскій актъ бракосочетанія Жозефины и Бонапарта.

По предъявленнымъ бумагамъ Жозефина оказалась на четыре года моложе своихъ лѣтъ, а Бонапартъ изъ любезности къ своей женѣ прибавилъ себѣ одинъ годъ.

По мнѣнію большинства историковъ „назначеніе Бонапарта командующимъ итальянской арміей было приданымъ Жозефины со стороны Барра"; но, надо полагать, что врядъ ли Барра отнесся такъ легко къ этому назначенію, сознавая всю важность и отвѣтственность этого поста. Къ тому же самъ Барра при своемъ положеніи хоть и могъ оказывать разныя милости, но въ дѣлѣ назначенія главнокомандующаго арміи въ Италіи онъ былъ безсиленъ. Это назначе-

*) **Каждые десять дней составляли декаду по республиканскому календарю. Е. Г.**

ніе не могло быть утверждено безъ согласія большинства членовъ Директоріи, состоявшей тогда изъ членовъ: Карно, Барра, Ля Ревельера-Лепо, Рьюбелля и Летурнера. Что Бонапартъ не былъ протеже только одного Барра—говоритъ и Ля-Ревельеръ-Лепо въ своихъ мемуарахъ, несмотря на то, что въ нихъ видно непріязненное чувство къ Бонапарту. „Говорили, пишетъ онъ, что назначеніе его, о которомъ онъ страстно мечталъ, было въ связи съ условіемъ его женитьбы на Жозефинѣ; это не такъ. Я могу подтвердить, что на выборъ, который сдѣлала Директорія, Барра не имѣлъ вліянія".

Бонапартъ былъ назначенъ въ итальянскую армію, благодаря совершенно логичному ходу событій.

19 января Бонапартъ подалъ планъ наступленія на Піемонтэ. Планъ этотъ былъ посланъ главнокомандующему Шереру; онъ просмотрѣлъ его и сейчасъ же отправилъ въ Директорію, объявляя, что планъ этотъ составленъ сумасшедшимъ, который долженъ бы самъ привести его въ исполненіе.

Директорія была крайне смущена этимъ отзывомъ; былъ собранъ совѣтъ, и Карно предложилъ замѣнить Шерера Бонапартомъ. „Я самъ предложилъ назначить Бонапарта главнокомандующимъ въ Италію", говорилъ Карно въ 1799 году.

Летурнеръ ходатайствовалъ за Бернадота, Рьюбелль—за Шампіоннэ, а Ля-Ревельеръ-Лепо, Карно и Барра стояли за Бонапарта.

Вотъ какимъ образомъ неспособность Шерера привела Бонапарта къ исполненію выработаннаго имъ плана.

Въ сущности назначеніемъ своимъ Бонапартъ не былъ обязанъ ни Барра, ни женитьбѣ своей, а исключительно своимъ военнымъ способностямъ и прекрасно составленному плану, который справедливо оцѣнилъ Карно, повліявшій на большинство членовъ Директоріи.

11 марта 1796 года—черезъ два дня послѣ свадьбы—Бонапартъ отправился къ своему посту въ главную квартиру итальянской арміи.

Власть, данную ему въ итальянской арміи, Бонапартъ уже не выпускалъ изъ своихъ рукъ.

Съ этого момента началась его феноменальная военная и политическая карьера, не прерывавшаяся почти двадцать лѣтъ, карьера, о которой можно сказать словами Боссюэ: „своими смѣлыми прыжками и легкой поступью онъ походитъ на сильное, порывистое животное, которое двигается не иначе, какъ стремительными скачками, не останавливаясь ни передъ горами, ни передъ пропастями". Чтобы положить предѣлъ этому головокружительному стремленію по дорогѣ къ славѣ, надо было собрать грандіозную каолицію всей Европы, поддерживаемой низкой измѣной своихъ же соотечественниковъ.

Итальянскій походъ (1796—1797 г.г.) прибавилъ еще больше лавровъ въ вѣнокъ славы Бонапарта.

Побѣдивъ Австрію и ея союзниковъ, Франція заключила выгодный миръ въ Кампоформіо. Бонапартъ вернулся въ Парижъ, гдѣ, благодаря государственному перевороту, была уже составлена новая директорія, которая очень доброжелательно отнеслась къ славному герою.

Съ этого времени (1797—98 г.г.) и началась политическая карьера Бонапарта. Въ 1799 году Бонапартъ былъ провозглашенъ первымъ консуломъ на десять лѣтъ.

Онъ дѣятельно занялся внутренней организаціей Франціи, пользуясь неограниченной властью, и, наконецъ, 2 декабря 1804 года папа Пій VII помазалъ его на царство.

Бонапартъ былъ выбранъ императоромъ французовъ тремя съ половиною милліонами голосовъ...

Такъ завершилась карьера Бонапарта, во всю свою жизнь бывшаго предметомъ то ненависти, то обожанія.

„Характерную картину представляетъ литографія Раффе", говоритъ Фр. Коппе, „изображающая взводы гренадеровъ, устало передвигавшихъ отяжелѣвшіе ноги подъ затяжнымъ осеннимъ дождемъ и прикрывавшихъ одной полой шинели кремень ружья. Взгляды ихъ

устремлены на озабоченно наклоненную спину императора на конѣ. Онъ весь углубленъ въ обдумываніе плана битвы на завтрашній день или сейчасъ. Во взглядахъ этихъ солдатъ отражается глубокая драма страданія и въ то же время преданности“.

Подъ этимъ патетическимъ изображеніемъ художникъ написалъ фразу, въ которой выражается слѣпая преданность гренадера къ императору и любовь француза къ славѣ.

„Они роптали... но все же шли за нимъ!“

	р. к.
Жерве, Кадетскіе, юнкерскіе и офицерскіе годы С. Я. Надсона	—70
Заболотный, Роль войны въ исторіи развитія культуры .	—50
Захарченко, Юный развѣдчикъ	—25
Изд. Живое Слово, Португаловъ „Послѣ цусимы“ . .	2.—
Изд. Военнаго Голоса, „Послѣ войны“	—30
„ „ „ „ „ . .	—40
„ „ „ „ „ . .	—50
„ „ Военная реформа	1.—
„ „ Кольцо Маршала Ямогаты . .	—40
П. Изместьевъ, Тактическія послѣдствія современной эволюціи огня пѣхоты	—40
Его же. Современная тенденція въ стратегіи и тактикѣ	—20
Его же. О нашей тайной развѣдкѣ въ минувшую компанію	—25
Его же. Кавалерія въ Русско-Японскую войну и въ ея будущемъ . . , . . .	—80
Его же. Бой пѣхоты	—40
Его же. Техника отдачи приказовъ въ высшихъ войсковыхъ соедин. въ Германской арміи .	—75
Его же. Атака укрѣпленныхъ позицій по офиціальнымъ Японскимъ инструкціямъ .	—10
Его же. Матеріалы къ изученію психо-физіологіи стрѣльбы	—40
Его же. Изъ области военной психологіи . .	—50
Его же. Тактическое примѣненіе электросвѣтительныхъ аппаратовъ	—40
Ивановъ, Совмѣстное дѣйствіе артиллеріи и пѣхоты въ бою	—30
Карповъ, Элементарное изложеніе теоріи вѣроятностей и теоріи стрѣльбы	—30
Кашкинъ, Памятка фейерверкеру по самоокапыванію артиллеріи	—18
Кеннанъ, Изъ замѣтокъ объ осадѣ Портъ-Артура . .	—50
Кобозевъ, Командирамъ артиллерійскихъ дивизіоновъ и батарей	—60
„ Разцѣнокъ золотниковъ фунтовъ и пудовъ въ копѣйкахъ и рубляхъ	—50
„ Подробная фуражная раскладка . . .	1.—
„ Занятія батареи въ паркѣ по угломѣру . .	—35
„ 100100 задачъ	—50
„ Таблица вѣса фуражныхъ дачъ изъ овса разнаго вѣса	1.—
Кобылинъ, Топографическая тетрадь	—15
Ковальчевскій, Искусство артиллерійской стрѣльбы изъ полевыхъ орудій	—35
Костюшко, Ноябрскій бой на Высокой горѣ подъ Портъ-Артуромъ	1.—
П. Фонъ Лангъ Военныя событія въ Китаѣ . . .	—35
„ Бой подъ Вафангоу	—40

Съ требованіями обращаться по адресу: г. Варшава, Волчья 2, тел. 213.61.

Военное Книгоиздательство „ОФИЦЕРСКАЯ ЖИЗНЬ“.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

Складъ высылаетъ наложеннымъ платежемъ.

		Цѣна р. к.
Дружининъ.	Воспоминанія о Русско-Японской войнѣ 1904—1905 г.г. участника добровольца 2-е изд.	1.50
Его же.	Воинскій духъ. *Рекомендовано войскамъ гвардіи и Петерб. В. О. № 37.*	25
Дасюковъ.	Практическое пособіе для обученія молодыхъ солдатъ пѣхоты	10
П. Изместьевъ.	Практическія послѣдствія современной эволюціи огня пѣхоты	40
Его же.	Практическое примѣненіе электро-освѣтительныхъ аппаратовъ	40
Фонъ-Лангъ.	Бой подъ Вафангоу	40
Его же.	Военныя событія въ Китаѣ	35
Ю. Лисовскій.	Клятва (Рождественскій разсказъ)	15
Его же.	Шпіоны (Беллетристическій очеркъ)	60
Ніессель.	Психологія бойца. Перев. съ франц. А. Ч.	20
И. Ознобишинъ.	Неизвѣстные герои. Разсказы изъ Русско-Японской войны	60
П. Радзинъ	Маневренный резервъ и резервъ старшаго начальника по опыту Пр. Эйлау, Бауцена и Русско-Японской войны 1904—1905 г. *Рекомендованъ Варшав. В О. № 143 и циркуляромъ Гл. Штаба № 206.*	60
Дю-Тейль.	Психологія командованія. Перев. съ фр. А. Ч.	75
С. Толкушкинъ.	„Подъ Ляндянсяномъ и Ляояномъ". Воспоминанія Италіанскаго военнаго агента Ф. Камперіо. Перев. съ Итал.	30
Червинка.	Желательная реформа пограничной стражи.	50
Уэллсъ.	Война въ XX вѣкѣ	20
Изд. „Офиц. Жизнь".	Изъ практики Русско-Японской войны	35
То же.	Правила ношенія формы одежды чинами всѣхъ родовъ войскъ	25
Строевой пѣхотный уставъ изд. 1911 г.		30
	10 экз.	2.75
	100 „	25.—

Съ требованіями обращаться по адресу: г. Варшава, Вольчья, 2, кв. 9.

Военное Книгоиздательство „ОФИЦЕРСКАЯ ЖИЗНЬ."

Отдѣленіе С.-Петербургъ Загородный пр. № 8.

Варш. Эстетическая Типографія, Велькая 25.